

Антон Кротков

ВЫЖИТЬ

Мученики рейса 571, словно, молитву повторяли на разные голоса сказочно прекрасные слова: «Нас нашли! Нашли!!! А, значит, скоро мы поедem домой!». Всех переполняло ощущение счастья и благодарности к тем, кто всё это время не переставал их искать. Ах, если бы только люди там высоко в небе и на большой земле могли знать, каково это так долго выживать в здешнем враждебном ко всему живому климате, и каждый день хоронить в снегу умерших товарищей, Многие плакали от счастья и острого чувства жалости к себе. Правда, двухмоторный самолёт летел довольно далеко в стороне, но всё равно в такую ясную погоду и с такой высоты его пилоты просто не могли не заметить на одном из заснеженных горных склонов обломки авиалайнера и тёмные человеческие фигурки его выживших пассажиров. Словно рассеивая последние сомнения, перед тем как

улететь, спасательный самолёт медленно покачал крыльями, будто призывая людей внизу потерпеть ещё немного. Скоро к ним не подоспеет помощь. Но никто из пассажиров даже не догадывался о том, что на самом деле их мытарства только начинаются...

ГЛАВА 1. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Стоящий на лётном поле у самого здания аэровокзала белоснежный красавец-авиалайнер ласкал взгляд своими изящными линиями. Его вид не вызывал никаких дурных предчувствий у будущих пассажиров. Напротив! Всем не терпелось поскорее занять в самолёте свои места и отправиться в путешествие навстречу новым интересным знакомствам и впечатлениям. Не так уж часто их университетскую команду по регби приглашают на международный матч в другую страну. И поэтому общим желанием было максимально интересно использовать каждую минуту увлекательной экспедиции. Но посадка на чартерный рейс до Сантьяго постоянно откладывалась из-за проблем с погодой на маршруте. Впрочем, для молодых людей

объяснение руководителей делегации, что все они вынуждены бесконечно долго ожидать вылета только потому, что где-то в глубине Анд бушует циклон, звучало слишком абстрактно. Умник Рафаэль Фалько в своей обычной манере всё осмеивать прокомментировал это так:

— Согласно международной статистике, вероятность гибели человека в авиационной катастрофе равняется одному шансу к полумиллиону. Господа, тут явно работают неисправимые перестраховщики, которые к тому же заморожены тем, что сегодня пятница 13-е!

Шутка понравилась, и заскучившие было друзья, снова повеселели. Чтобы как-то убить время «стая крыс» (так называли себя пятёрка самых независимых и хулиганистых членов регбийной команды) решила «совершить набег» на пиццерию, располагающуюся на втором этаже здания аэровокзала. Предводитель шайки — Карлитос Паэс послал одного из запасных игроков отвлечь руководителей делегации, а сам вместе с ближайшими компаньонами тихо исчез с места общего сбора. Впрочем, только дегустацией различных сортов пиццы этот рейд не ограничился. Отец Карлитоса — преуспевающий художник, никогда не ограничивал любимого сына в деньгах. На далёкое же путешествие папаша щедро снабдил молодого человека весьма приличной суммой,

чтобы тот мог после футбольного матча хорошо отдохнуть в самых модных заведениях чилийской столицы. Друзья Карлитоса тоже происходили из обеспеченных семейств, проживающих в богатом предместье Монтевидео, и, тем не менее, они не имели возможности запросто купить в магазинчике Dutí Free бутылку эксклюзивного шотландского виски почти за пятьсот американских баксов.

— Ничего, мерзавцы! — весело подбадривал дружков Карлитос, пуская по кругу бутылку спиртного. — Деньги, это всего лишь бумага, которую чертовски приятно тратить во имя благородного мужского товарищества. Обещаю вам: сразу после матча, в котором мы обязательно надерём задницу этим чилийцам, мы по праву победителей возьмём их столицу на разграбление сроком на всю ночь. Я уже наметил одну отличную дискотеку в районе Ла-Мерсед, с которой мы начнём наш загул. Говорят чилийки очень страстные и хороши собой. Один знакомый просветил меня, что оказывается Чили всегда было райским местечком для приезжих авантюристов из Европы, и смешение генов пошло на пользу местным женщинам. Эй, Алекс, ты готов принять участие в большой охоте на местных курочек?

Александро Моралес, к которому был обращён вопрос, густо покраснел и не нашёлся что ответить. Друзья знали, что у Алекса есть невеста,

за которой он очень трогательно ухаживает, не замечая других представительниц прекрасного пола. Нередко эта старомодность приятеля становилась мишенью для беззлобных подтруниваний.

Чтобы сделать несколько символических глотков за предстоящий взлёт и будущую спортивную победу друга набились в одну кабинку туалета. А перед тем, как покинуть её, каждый положил себе в рот сразу по несколько пластинок мятной жевательной резинки, чтобы отбить запах спиртного.

* * *

В ожидании посадки в самолёт Нандо Чаввадо оглянулся — никого рядом не было. Быстро вытащив из кармана упаковку таблеток, он бросил их в мусорную урну. Так было проще всего забыть о серьёзной проблеме. Да, это лекарство было его спасательным парашютом на случай крайней опасности, но именно оно могло в ближайшие дни, если не часы отправить его на тот свет. А главное, Нандо был абсолютно уверен в том, что смешной доктор сделал, всё как надо...

* * *

Полёт проходил под аккомпанемент весёлых дурачеств молодых мужчин. Не смотря на свой двадцатилетний возраст, они совсем по-юношески резвились, словно стая щенков, которых вывели на прогулку. Подобное поведение пассажиров было бы абсолютно невыносимо на обычном рейсе, но данный борт был специально зафрахтован для перевозки спортивной делегации. Поэтому регбисты чувствовали себя временными хозяевами самолёта «Фэрчайлд-Хиллер FH-227D/LCD» уругвайской авиакомпании «Таму». Казалось, что только присутствие в самолёте сопровождающих спортсменов родителей, тренера, прочих членов делегации и всегда серьёзного капитана команды Антонио Переза удерживает чрезмерно энергичных атлетов от соблазна всем разом покинуть свои места ради общения и подвижных игр. Молодому парню в форме стюарда приходилось буквально продираться с подносом в руках через броуновское движение общающихся между собой пассажиров в клубных пиджаках университетской команды по регби из Монтевидео. Да, это мало походило на обычный воздушный рейс, скорее это была весёлая вечеринка на высоте 10 000 метров.

А между тем внизу за стёклами иллюминатора уже около часа проплывали величественные заснеженные пики, похожие на гигантские острые

зубы исполинского хищника. Разглядывая их, 49-летняя Ксения Чаввадо испытывала смешанное чувство эстетического восторга от созерцания природной мощи и радости оттого, что эта враждебная человеку красота находится далеко внизу. Ровный гул самолётных двигателей действовал успокаивающе на сознание женщины. Было приятно осознавать, что они находятся в тепле и безопасности. Хотя какое-то время назад в её душе поселилось странное необъяснимое ощущение тревоги. Ксения всячески гнала от себя это неприятное чувство, тем более что только что бортпроводник бодрым голосом очень официально объявил по громкой связи, что через двадцать минут самолёт совершит посадку в аэропорту имени Артуро Мерино Бенитеса в столице республики Чили городе Сантьяго-Де-Чили. И, тем не менее, внутренний голос тихо, но властно призывал женщину готовиться к чему-то трагическому и неотвратимому. Вначале это чувство было очень слабым, почти неосознаваемым. Но постепенно оно усиливалось, словно зубная боль. Много лет назад бывшая беженка уже пережила нечто подобное, когда в её украинскую деревню пришли немецкие каратели во главе с высоким офицером в чёрном плаще. Чтобы местные жители не волновались, эсесовский гауптман (майор) сразу объявил через

переводчика-украинца согнанным на центральную площадь села людям, что целью его подразделения является поиск партизан. А пока солдаты будут обыскивать дома, всем жителям надлежит провести некоторое время в большом сенном сарае — для их же безопасности. Ничего не подозревающие сельчане безропотно позволили загнать себя в сарай, чтобы спустя двадцать минут бессильно метаться в огненной ловушке. Только Ксении (в той прошлой жизни она носила фамилию Ковальчук) единственной из всех удалось выбраться из зажженной фашистами постройки через крохотное вентиляционное оконце под самой крышей. Она спаслась благодаря своей худосочной подростковой фигуре и милости немецкого майора, которому понравилась идея позабавиться с беловолосой туземкой...

Теперь у Ксении вновь было такое чувство, как в то утро накануне прихода карателей. За тридцать последующих лет она никогда больше не переживала ничего подобного. И вот сейчас в груди у женщины вновь появилась тянущая боль. Она сжала в своей ладони руку сидящей рядом дочери и отыскала глазами лицо сына...

Бушующий над Андами циклон постоянно перемещался, так что в какой-то момент он вновь оказался прямо по курсу воздушного судна.

Командир корабля Андреа Мартинес несколько минут колебался, не зная, какое решение ему принять. У него была возможность развернуться и лететь обратно или идти вдоль грозового фронта в сторону первого же подходящего аргентинского аэродрома и там запрашивать посадку. Но можно было также попытаться пробиться сквозь бурю и сэкономить родной авиакомпании немало топлива, за что впоследствии всему экипажу была гарантирована солидная денежная премия. Как опытный лётчик с двадцатилетним стажем работы и тысячами лётных часов за спиной Мартинес не мог не понимать, что соваться в циклон опасно. Но знал он также и то, что руководство компании наверняка подумывает о списании ветерана на пенсию и возможно даже подыскивает ему замену. Профессиональная карьера старого аса была на излёте, и любое недовольство боссов могло спровоцировать его увольнение. Тем более что десятки более молодых пилотов мечтали занять его место за штурвалом.

Немного подумав, первый пилот принял решение прорываться. Уверенным голосом он сообщил об этом ведущему их по маршруту аргентинскому диспетчеру:

— Буэнос-Айрес, это «Уругвай-571». Мы входим в зону циклона.

Это были роковые слова. Ах, если бы только

людям в пилотской кабине было дано предчувствовать беду так, как это было позволено проведением сидящей за их спинами на 26 месте Ксении Чаввадо! Они бы конечно ни за что не стали рисковать своими и чужими жизнями ради каких-то премиальных! Даже само небо впереди сгущающимися серыми облаками, казалось, предупреждало лётчиков о крайней опасности задуманного ими дела. Но командир уже принял решение и не собирался его менять.

— «Уругвай-571», вас понял — будничным голосом отозвался аргентинский диспетчер. — Вы на радаре, я вас веду. Через пять минут вас примет и проводит до посадочной полосы чилийский центр управления полётами. Удачи!

Когда в кабину заглянул бортпроводник, принёсший лётчикам кофе, Мартинес велел ему проследить за тем, чтобы все пассажиры находились на своих местах и были пристёгнуты к креслам.

— Извини Сантос, но нам предстоит небольшая незапланированная болтанка.

— А вы не могли меня предупредить пораньше, чтобы я проинструктировал банду, что сегодня оккупировала наш самолёт, как им пользоваться рвотными мешками? — обидчивым голосом осведомился бортпроводник. — Они же целый час набивают свои желудки всякой

всячиной, и сейчас их начнёт выворачивать наизнанку!

Хотя и экипаж и пассажиры приготовились к пребыванию в сердце циклона, когда самолёт впервые сильно тряхануло, многие почувствовали некоторую растерянность. Даже второй пилот с сомнением посмотрел на командира: а не погорячился ли тот, вступая в единоборство с непредсказуемым небом Анд. Но поворачивать обратно было уже поздно. Штормовая стихия уже приняла самолёт в свои объятия, и словно щепку, пока не в полную силу, будто играя, кидала его из стороны в сторону.

Вскоре тряска усилилась. Смех и весёлые голоса в салоне стихли. Теперь все с опасливым любопытством наблюдали в иллюминаторы за близкими всполохами молний. Более ничего там разглядеть было нельзя, ибо теперь самолёт летел в сплошной облачности. Вскоре многие стали ощущать странную вибрацию кресел, иллюминаторных стёкл, даже пола под ногами. Необъяснимое дрожание окружающих предметов и поверхностей постоянно нарастало.

— Как думаешь, Нандо, долго продлиться эта тряска? — побледнев, почему-то в пол голоса поинтересовался Рафаэль Фалько у сидящего рядом

с ним высокого атлетичного парня с необычными для южноамериканца пшеничным цветом волос и ярко-голубыми глазами.

— Не вздумай испачкать мои ботинки своим обедом — покровительственно усмехнувшись, беззлобно предупредил блондин. На самом деле ему тоже было как-то не по себе, и грубоватым тоном Нандо Чаввадо пытался в первую очередь побороть собственную неуверенность. — Слышал? Через пятнадцать минут мы приземлимся. Так что терпи, приятель, до тех пор, пока нас примет обратно мать-земля.

— Эй, кто хочет леденцов от укачивания! — слишком уж бодро предложил кто-то из задней части салона.

Но воспользоваться данным предложением никто не успел, ибо в это время самолёт неожиданно, словно налетел на какое-то препятствие. Казалось он остановился в небе, а затем почти отвесно обрушился в пропасть. От столь резкого манёвра на головы пассажиров с верхних полок полетели вещи. Послышались испуганные возгласы.

— Разве мы должны лететь так низко? — воскликнул сидящий возле иллюминатора Рафаэль, удивлённо рассматривая горный склон, который почему-то теперь находился не далеко внизу, как ему и положено было быть, а совсем рядом —

сбоку от самолёта...

Ничего страшнее в своей работе лётчик гражданской авиации увидеть не может, чем леденящее кровь зрелище, которое внезапно открылось членам экипажа борта номер 571. Это случилось сразу после того, как крылатая машина попала в зону сильной турбулентности и неожиданно провалилась с высоты нескольких километров до уровня всего пятисот метров. Едва стёкла кабины очистились от плотной пелены облачности, лётчики обнаружили, что летят по ущелью гораздо ниже окружающих их горных вершин. Тревожно заработала сирена предупреждающей об опасности аварийной сигнализации — курсовой радар, расположенный в носу самолёта, словно сошёл с ума, фиксируя повсюду угрожающие лайнеру препятствия. Но лётчики не могли подобно пилотам манёвренного истребителя легко перевести свой тяжёлый и неповоротливый гражданский авиалайнер из горизонтального полёта в набор высоты. Оба двигателя лишь натужно ревели. При этом мощности моторов катастрофически не хватало для того, чтобы перепрыгнуть через выросшую прямо по курсу горную гряду. Эта преграда была так близка, что из кабины несущегося прямо на неё со скоростью 550 километров в час самолёта было

отлично видно, как с большого треугольного камня испуганно вспорхнула одинокая птица...

С перекошенными от напряжения лицами пилоты изо всех сил тянули на себя штурвалы, ещё надеясь, что им чудом удастся выиграть несколько метров высоты для удачного прыжка через острые скалы. Но изменить что-то уже было нельзя. Самолёт зацепился задней частью своего фюзеляжа за камни, которые буквально вспороли его стальную обшивку. За мгновение авиалайнер лишился хвостового стабилизатора и правого крыла. Сидящие в задней части салона пассажиры даже не успели понять, куда испарилась хвостовая часть авиалайнера и что вообще происходит. Мощным воздушным потоком их кресла сорвало с креплений и вырвало наружу. Один за другим люди, чьи места располагались в хвосте салона, с воплями ужаса исчезали в огромной пробоине. Это была страшная смерть. Только что человек был надёжно защищён от внешней стихии металлическими стенками самолётного фюзеляжа, и вдруг он обнаруживал себя на огромной высоте свободно куврыкающимся в кресле. Большинство из этих людей погибли от разрыва сердца ещё до того, как их тела вдребезги разбились при ударе о землю.

Вскоре последовало столкновение с новой скалой, после которого «Фэрчайлд-Хиллер» потерял вторую свою плоскость. От сильного удара топливные баки, расположенные в оторванном крыле взорвались. Но к счастью, это случилось уже после того, как фюзеляж приземлился на заснеженный горный склон и стремительно заскользил по нему вниз.

От перегрузок и серии сильных ударов многие оставшиеся в живых пассажиры потеряли сознание, другие пребывали в состоянии психологического шока. Крики смолкли. На смену гулу двигателей пришёл свист ветра, который гонял вдоль кресел тучи снежных хлопьев. Последнюю точку в полёте борта 571 поставил огромный снежный сугроб, в который на огромной скорости ткнулся своим носом самолёт, или вернее то, что от него осталось. По силе этот удар был вполне сопоставим со столкновением пассажирского автобуса, мчащегося на скорости свыше двухсот километров в час с бетонной стеной.

* * *

История катастроф показывает, что практически за каждой крупной аварией в небе, на земле или на море стоит цепочка трагических случайностей именно в этот день и час роковым

образом выстроившихся словно парад зловещих планет. Чаще всего подобные трагические обстоятельства связаны с конкретными людьми и их жизненными маленькими или большими трагедиями. Трагедия рейса 571 лишь в очередной раз подтвердила это печальное правило...

Для авиадиспетчера Диего Ботта это был прескверный день. Вообще-то уже шесть месяцев подряд бедняга жил, словно в аду по причине непрекращающихся ссор с женой. Что-то в их отношениях сломалось примерно полгода назад. Сколько раз с тех пор Диего пытался отыскать в прошлом загадочную причину столь резкой перемены к нему со стороны любимой женщины, и не мог дать себе чёткого ответа, что же случилось с его Мари. А между тем Диего привык считать себя хорошим семьянином, ведь забота о жене и детях всегда были главным смыслом его жизни. И до самого последнего времени мужчина пребывал в полной уверенности, что супруга всем довольна. Но как оказалось, он сильно заблуждался. Всегда такая спокойная и тихая Мария сильно изменилась в последнее время. Из улыбчивой и комфортной домохозяйки она превратилась в настоящую стерву. Каждый день она находила причину, чтобы прицепиться к мужу с очередными упрёками. Скандалы вспыхивали из-за малейшего пустяка и

тлели часами из-за нежелания женщины идти на примирение. Иногда Диего даже начинало казаться, что его просто ненавидят. Но из-за чего? И вот сегодня утром всё неожиданно выяснилось, когда Мария прямо объявила мужу, что любит другого и собирается уйти к нему вместе с детьми...

Как Диего не заставлял себя полностью сосредоточиться на экране обзорного локатора, на котором в виде светящихся зелёных меток были отражены несколько «бортов», входящих в его персональную зону ответственности, мысли авиадеспетчера постоянно возвращались к жене: действительно ли она в это самое время собирает вещи, чтобы уйти к тайному любовнику; или же Мария просто зачем-то решила зло разыграть его. Ах, какое это было бы счастье и облегчение узнать, что хлестнувшие его утром, словно кожаная плеть по глазам, болезненные слова — всего лишь жестокая шутка. Но в том то и дело, что Мария имела слишком серьёзный вид, когда признавалась в намерении покинуть его навсегда.

В какой-то момент Ботта почувствовал, что более не в состоянии просто так сидеть и ждать, когда случится непоправимое. Диего попросил работающего рядом коллегу на несколько минут дополнительно принять на себя его сектор неба, а

сам чуть ли не бегом выскочил из зала управления полётами. Дежурному руководителю смены Ботта сказал, что отлучается в туалет. Но на самом деле он спешил к городскому телефону. Диего собирался позвонить соседу, чьи окна выходили на его дом, и выяснить обстановку.

Когда спустя пятнадцать минут Ботта вернулся на своё рабочее место, внешне он не слишком изменился. Но если бы руководитель диспетчерской смены или кто-либо из коллег сейчас знали, какой страшный удар только что обрушился на голову Диего, они бы немедленно приняли меры к его отстранению от управления воздушным движением. Ведь работа авиадиспетчера требует максимальной концентрации. Каждая минута полёта одного из нескольких самолётов, находящихся в его зоне ответственности, должна отслеживаться бдительным воздушным регулировщиком. Любой манёвр воздушного корабля — разворот на новый курс, смена высоты (эшелона) полёта, уклонение от встречи с другим «бортом» — всё это допустимо только с разрешения диспетчера или же является поводом для его немедленного вмешательства. Но авиадиспетчер Диего Ботта находился сейчас в таком психологическом состоянии, что если бы в данную минуту на экране его локатора лоб в лоб

сходились два самолёта, то он бы даже пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить неумышленный таран.

Хотя внешне Диего, как и все вокруг него, сидел устремив напряжённый взгляд на монитор, его глаза ничего из происходящего на экране не видели. В ушах только что покинутого мужа ещё звучали слова соседа, который, смакуя подробности происходящего, рассказывал ему в режиме реального времени, как он наблюдает стоящий перед домом Ботты большой чёрный автомобиль, и какого-то щёголя помогающего жене Диего — Марии загружать многочисленные чемоданы и сумки в свою машину. «Вы только полюбуитесь на это безобразие! — возбуждённо комментировал наблюдатель. — Этот тип так по-хозяйски среди бела дня обнимает вашу хозяйку, словно у неё нет законного мужа. Возмутительно! Я бы на вашем месте, господин Ботта, обязательно разобрался с этим нахалом, а заодно проучил и супругу. Во всяком случае, если бы моя Лусия посмела на глазах у всей улицы наставлять мне рога, я бы забыл о своём католическом воспитании и выбил ей все передние зубы. А её ухажёру отрезал бы яйца! Да простит меня Господь!».

Но самое ужасное, что Диего знал про себя совершенно точно, что никогда не посмеет даже пальцем тронуть жену. Он был готов на коленях

умолять Мари остаться и терпеть от неё любые унижения, а вот по-мужски наказать был не в состоянии. «Господи, какая же я тряпка!» — громко вслух, совершенно забыв, где он находится, простонал Ботта. Этим возгласом Диего, наконец, обратил на себя внимание старшего смены, который как раз всматривался в бинокль сквозь остекление диспетчерской вышки в ту сторону, откуда уже несколько минут назад, как должен был зайти на посадку очередной «борт». Начальник ничего не мог понять: по его журналу в данный момент рейс из Уругвая уже должен был заруливать на стоянку у здания аэровокзала, а его даже не было видно в зоне посадочной полосы. А между тем старший диспетчер знал, что пробка в небе, это предпосылка к лётному происшествию и повод к увольнению виновных.

— Почему вы не сообщили мне, что самостоятельно изменили «коридор» для 571-го? — внезапный вопрос начальник смены вывел Ботту из состояния психологического нокаута. — Куда вы переставили этот рейс?

Только тут Диего обнаружил, что не видит метки уругвайского «борта» на полагающемся ему месте. Тот куда-то загадочным образом испарился. На экране осталась только заранее проложенная линия трассы его движения с пометкой «571».

Рубашка на диспетчере мгновенно стала мокрой от пота. Ботта сразу понял, что исчезновение метки самолёта может означать только одно — лайнер провалился ниже уровня действия радаров и скорей всего разбился. Но когда конкретно это произошло, и в каком квадрате искать пропавший самолёт он не знал, так как последние пятнадцать-двадцать минут не контролировал свою зону ответственности.

Руководитель смены не сразу понял, что самолёт вообще пропал с экрана локатора. Некоторое время он пытался вызвать командира уругвайского лайнера по радио. Но ответа не было. И, тем не менее, ещё какое-то время начальник продолжал искать глазами на экране локатора метку уругвайского самолёта, попутно пытаясь добиться вразумительных объяснений от подчинённого диспетчера. В конце концов, Ботта наобум назвал шефу координаты квадрата, где он будто бы в последний раз видел метку пропавшего самолёта. Руководитель смены тут же бросился к аппарату авиационной спецсвязи, чтобы направить в район катастрофы спасательные самолёты и вертолёты. А между тем район, который назвал Ботта находился почти на 40 километров западнее того места, где на самом деле резко потерял высоту и вскоре упал «борт 571»...

* * *

В произошедшее было невозможно поверить: всего полчаса тому назад в их жизни всё было понятно и предсказуемо. Была полная уверенность в том, что через двадцать минут самолёт, пускай и с небольшим опозданием, приземлится в аэропорту Сантьяго, где для его 45 пассажиров уже должны были накрыть столы в специально арендованном ресторанчике. Но вместо этого оставшиеся в живых люди с трудом приходили в себя после только что пережитого кошмара.

Хуже всего было раненым: к болевому шоку примешивался шок психологический, наполняя души покалеченных людей ощущением собственной беспомощности. Но и те, кому повезло уцелеть в развалившемся на части самолёте, не чувствовали обычной эйфории людей, которым чудом удалось спастись в страшной катастрофе. С первого же взгляда на окружающий пейзаж можно было понять, что выжить в этом враждебном месте и дожидаться спасателей будет очень не просто. В такой ситуации часто бывает, что оставшихся в живых людей охватывает паника, и каждый поддавшийся ей превращается в двуногое животное, заботящееся только о собственном спасении. Страх — самый большой враг человека в экстремальной ситуации. С одной стороны он мобилизует все резервы организма. Но если это

мощное первобытное чувство не взять под контроль, человек рискует погубить себя и тех, кто находится рядом с ним.

К счастью среди уцелевших пассажиров рейса «Монтевидео-Сантьяго» сразу нашлись стихийные лидеры, которые организовали уцелевших людей. Одним из тех, кому сейчас приходилось давать поручения и поддерживать отчаявшихся, был Роберто Ганессо. Вообще-то из-за его слишком яркой для мужчины красоты и тонкой душевной организации друзья не привыкли воспринимать Роберто всерьёз. Да, его любили, но считали слишком смазливым и мягколулым для участия в драках и прочих грубоватых мужских забавах. Даже тренер их регбийной команды предпочитал держать Ганессо на скамейке запасных, ибо был уверен, что парень наверняка будет стремиться избегать грубых игровых столкновений, чтобы не дай бог не повредить своё смазливое личико: «этому дамскому любимцу надо заниматься теннисом, а не лезть в жёсткую мужскую игру, где никто не сможет по достоинству оценить его белоснежной улыбки и безупречного телосложения. Чтобы там не говорили, а человек, рождённый для балета, никогда не станет хорошим боксёром и уж тем более регбистом!».

При этом окружающие не замечали, как порой в глубине мягких тёмных глаз душеньки и паиньки

Роберто появлялся металлический блеск далеко не ангельского характера. Но сейчас впервые в его жизни все смотрели на Ганессо всерьёз и с надеждой, ведь он был студентом-медиком. То есть единственным, кто хоть что-то понимал в травматологии в радиусе сотен километров. Вместе с другим будущим врачом Сербино Аранцо, Роберто обходил раненных, всем своим видом пытаясь внушить им веру в несерьёзность полученных ими увечий. Хотя порой изображать оптимизм было очень не просто. Первым, кого Роберто и Сербино осмотрели, был Александро Моралес. Трудно было поверить, что только час назад в аэропорту они делили с этим парнем бутылку виски и беззлобно над ним подтрунивали. И вот теперь у Алекса была пробита голова. Полными страдания глазами Моралес смотрел прямо на Роберто и в бреду разговаривал с ним, называя друга именем своей невесты. Как только началась болтанка над горами, Моралес не пристегнулся ремнями к креслу, а потом, когда он пытался это сделать, его трясущиеся от волнения руки не могли справиться с несложным замком. В итоге, когда самолёт зарылся носом в сугроб, и многие кресла сорвало со своих мест, бедняга Алекс пролетел через весь салон и врезался головой в стенку пилотской кабины. Не надо было быть особо квалифицированным врачом, чтобы понять,

что без серьёзной черепно-мозговой операции Моралес был обречён. Причём на операционный стол он должен был попасть в ближайшие часы. Но надежды на это было мало, и друзьям Алекса приходилось лишь сжимать кулаки от собственного бессилья. Впрочем, таких, как Моралес — безнадёжных, здесь было ещё несколько человек. Как это не выглядело жестоко, но Роберто и Сербино должны были в первую очередь помогать тем, кто имел шанс дожидаться спасателей.

Медицина — военная профессия в том смысле, что каждый врач с момента принятия клятвы Гиппократу и до последних дней своей жизни обязан быть готов не только диагностировать язву или пломбировать зубы, но и при необходимости оказать помощь жертвам пехотной атаки или автомобильной катастрофы. Оба будущих медика, конечно же знали суровое правило военно-полевой хирургии, гласящее, что все поступившие с поля боя раненные должны быть подвергнуты немедленной сортировке: безнадёжные налево, имеющие шанс выкарабкаться — направо. Об одних должен позаботиться хирург, о других — священник.

И, тем не менее, прекрасно осознавая свой долг, Роберто не мог заставить себя отвернуться от умирающего друга. Он очень боялся, что старые кошмары, снова начнут терзать его душу. И только

мольбы о помощи других раненных вынудили его оставить Алекса на попечении выживших при аварии тридцатипятилетней женщины и её мужа. Роберто вспомнил, что, кажется, их звали Лилиан и Ховьер. Раньше Ганессо уже несколько раз видел их во время футбольных матчей, сидящими на скамейке запасных рядом с тренером и его помощниками. Кажется, эта парочка была спонсорами их команды. Вполне возможно, что даже это они оплатили команде полёт до Чили. А значит, именно благодаря этим двоим, умирали вокруг близкие Роберто люди. Впрочем, долго думать о сделанном им неприятном открытии Роберто не мог, так как ему подошёл парень по имени Пабло. С растерянным видом Пабло кивнул на металлический штырь, торчащий у него из живота.

— Что скажешь, Ганессо?

Роберто никак не мог привыкнуть к новым ужасам, с которыми ему здесь приходилось сталкиваться буквально каждую минуту. Первый студенческий визит в анатомический театр теперь выглядел детской прогулкой по сравнению с постоянным зрелищем изувеченной в разных вариантах человеческой плоти. Но, видя перед собой и без того бледное от страха и, возможно, от потери крови лицо Пабло, Роберто ободряюще улыбнулся:

— Пустяки. Эта штука наверняка проткнула только твою кожу и засела в жировой ткани. А иначе ты бы не расхаживал так бодро на своих двоих, а корчился от боли где-нибудь на полу. Считай, что тебе крупно повезло. Некоторые богачи выкладывают немалые деньги за то, чтобы пластические хирурги откачали у них лишний жирок с пуза. А с тобой это произошло нахаляву. Сейчас я обработаю твою рану, и всё будет нормально. Ну-ка, подай мне вон с того с кресла дамскую сумочку, там наверняка должны быть какие-нибудь духи на спирту.

Стоило Пабло отвернуться, как Роберто быстро двумя руками ухватился за обломок металлической трубы и изо всех сил дёрнул его на себя. Пабло вскрикнул от неожиданной боли и повернул удивлённое лицо к Ганессо. Роберто с растерянной улыбкой продемонстрировал ему извлечённый штырь.

— Прости, приятель. Но на войне, как на войне — нет времени на уговоры. Сейчас я обработаю и перевяжу твою рану...

* * *

Макс Фалько очень спешил. Несколько раз он довольно рискованно выезжал на встречную полосу, чтобы обогнать очередной еле плетущийся

впереди грузовик или выдавший виды автобус с крестьянами. И каждый раз из-за поворота горной дороги прямо в лоб «Опелю» Макса мог выскочить встречный автомобиль. Но игра того стоила. Впереди 27-летнего профессионального игрока ждал заветный банк, который он не далее, чем в ближайшие сутки намеревался сорвать. Вспомнив, как ловко он провёл завершающий этап давно задуманной им комбинации по отъёму чужого бизнеса, красивый мужчина за рулём «Рекорд-Олимпии» обнажил в жёсткой улыбке свои прекрасные белые зубы. «Ах, женщины, женщины! Даже самые красивые и умные из вас становятся наивными дурами в руках опытного специалиста!». Макс не мог не отдать себе должное, вспоминая, как ловко он в течение последних шести недель задуривал голову жене известного судовладельца. Уж чего-чего, а разыгрывать из себя страстного ухажёра Фалько умел. В этой жизни у него были две страсти — карты и красивые женщины. И если опыт знатока покера не имел иного применения, кроме как за зелёным сукном игрового стола, то талант Дон Жуана позволял Максиму не только тешить собственное сластолюбие, но и постоянно находить деньги на оплату карточных долгов, а также многочисленных счетов, регулярно присылаемых ему владельцами дорогих магазинов модной одежды, ресторанов, автосалонов.

А вообще с некоторых пор Макс пришёл к убеждению, что именно карты во многом помогают ему мастерски подчинять своей воле самых расчётливых и холодных красоток. Ведь, как известно, в жизни трудно преуспеть, не умея менять ролевые маски и без понимания, почему люди в каких-то важных ситуациях поступают именно так, а не как-нибудь иначе. Опытный игрок в покер со временем обязательно становится хорошим практическим психологом. Дело в том, что для того, чтобы ваши игровые блефы регулярно удавались, просто необходимо уметь правдоподобно изображать разные эмоциональные состояния, так чтобы противники верили в то, что вы имеете на руках просто потрясающую карточную комбинацию или, напротив, находитесь в тяжелейшем положении. Предательский блеск в глазах, нервное постукивание пальцами по поверхности стола, скрещенные в нервный «замок» ноги — всё обязательно будет взято на заметку и расшифровано мастером.

На самом деле покер во многом близок к шахматам, в том смысле, что для серьёзных достижений в этих играх требуется обладать аналитическим складом ума. А ещё покер преподают в некоторых бизнес-школах, как идеальную трениговую программу для будущих менеджеров.

Впрочем, Макс с некоторых пор был благодарен покеру и некоторым другим профессионально практикуемым им карточным играм за другое — за понимание людей, обретенное за игровым столом. Это помогало Фалько соблазнять самых недоступных женщин и потрошить их банковские счета.

«Вот-вот» — мысленно соглашаясь с собственными мыслями слегка покачал мужественным подбородком Макс. С иронией охотника, разглядывающего только что подстреленную им львицу, он вспомнил, какой недоступной миссис миллионерша выглядела в первые часы их знакомства. Но Макс сразу почувствовал, что понравился ей. Это было понятно по её мгновенному оценивающему взгляду, и тому, как дама сразу постаралась принять наиболее выигрышную позу, чтобы этот мужчина смог по достоинству оценить её упругое тело.

Макс тоже был не прочь немного поиграть с незнакомкой в любовь. Нет, конечно же, его впечатлила не её силиконовая грудь и довольно хорошая для сорокалетней женщины фигура. Из чистой любви к искусству секса Макс предпочитал женщин до 25-ти лет. Красивые молодые женщины были непременно его спутницами в игровых клубах и казино, ибо привлекали внимание потенциальных «лохов» и одновременно отвлекали

их в решающие моменты игры.

Но в данном случае его заинтересовало нечто совсем другое. Макса с первых же секунд очаровали крупные бриллианты в колье незнакомки, от которых он просто не мог оторвать взгляд. Но дамочка решила, что пылающий взор молодого мачо прикован к её пышным грудям, сжатым тесным декольте. Она тут же эффектно развернулась на каблучках, и, изображая полное равнодушие, направилась к одному из столов для игры в рулетку. При этом леди очень сексуально покачивала бёдрами, демонстрировала обнажённую, чуть ли не до самого копчика спину, и обтянутые тонкой тканью платья упругие тренированные ягодицы. Она явно затеяла с незнакомым привлекательным мужчиной древнюю, как мир игру в обольщение. Макс тоже с удовольствием начал играть свою партию. Именно ради таких встреч Фалько и посещал это казино. Рядом с заведением размещалось здание делового центра, где часто проходили разные мероприятия с участием бизнес-элиты страны. В то время как лидеры уругвайской экономики в конференц-зале договаривались о взаимодействии с парламентариями и правительством, или тет-а-тет обговаривали за столиками многочисленных ресторанчиков условия очередного контракта с деловыми партнёрами, их жёны проводили время в

шикарных залах, где можно было не только сделать ставку в рулетку, но и заказать любую еду и напитки.

Профессиональных игроков сюда не допускала служба безопасности, чтобы они не обыгрывали VIP-клиентов. Но для Макса было сделано исключение, ибо, знакомясь в этом казино с жёнами богатейших мужчин страны, он потом частенько приводил их сюда же, но уже в качестве собственных любовниц.

В следующий час Максусу пришлось разыграть небольшой спектакль. Он специально делал ставки за тем же столом, что и заинтересовавшая его женщина. При этом Фалько постоянно демонстративно проигрывал, с каждым разом всё больше изображая на своём лице, якобы, охватывающее его чувство отчаяния. За всё это время Макс не бросил ни единого взгляда на свой объект. Но он чувствовал, что бриллиантовая цыпочка с острым любопытством дилетанта следит за тем, как молодой красавец гибнет в омуте азарта. Скорее всего, эта дамочка по молодости начиталась Бальзака и других писателей-романтиков, многократно в ярких красках описывавших подобные истории, и теперь с нетерпением ожидала момента, когда красавчик спустит в рулетку последние деньги, и отправиться бросаться вниз головой с ближайшего моста. Но неожиданно он

сам подошёл к ней. Скромно опустив глаза, Макс попросил:

— Простите меня за дерзость. Но мне сегодня фатально не везёт, и я хочу, чтобы эти последние фишки в сто долларов вы поставили за меня. Если фортуна не улыбнётся женщине с таким прекрасным благородным лицом, то, значит, она не стоит того, чтобы добиваться её расположения.

Дама страшно смутилась, но не отказала Максу. Более того, когда последние фишки обратившегося к ней молодого человека всё же были проиграны, она предложила Максу не слишком расстраиваться:

— Вам не надо было сегодня играть. Просто это не ваш день. Лучше проводите меня на второй этаж в ресторан. Вы расскажите мне про казино и таким образом отвлечётесь от грустных мыслей.

— Простите, я бы с удовольствием — натурально краснея, замялся молодой мужчина, — но, к сожалению, я проиграл все деньги до последнего песа.

— Считайте, что я плачу вам за консультацию — утешила Фалько дама. — Я впервые здесь. Вообще-то мой муж частенько посещает подобные заведения, но мне рулетка всегда казалась чем-то ужасно скучным. Но сегодня мне просто некуда было пойти. Впрочем, теперь я даже рада, что заглянула сюда.

Впереди на дороге появилось какое-то скопление машин и людей. Макс стал притормаживать. Теперь Фалько уже различал многочисленные мундиры дорожной полиции. Там явно случилось что-то серьёзное. Часть и без того узкой дороги была перегорожена ярко-оранжевыми пирамидками специального ограждения. Регулировщик в белой каске энергично приказывал подъезжающим автомобилям брать левее. Макс смачно выругался. Едущим в его направлении машинам приходилось, выстроившись друг за другом в длинную цепочку, с черепашьей скоростью объезжать по встречной полосе огороженный участок дороги. А встречные автомобили недовольно сигналили и норовили вытеснить вторгнувшиеся на их территорию машины обратно на их полосу. Некоторое время Фалько был занят только тем, что уворачивался из-под колёс движущихся прямо на него грузовиков. Но вскоре Макс увидел, как двое санитаров поднимают с залитого кровью и моторным маслом асфальта чьё-то уже завернутое в чёрный целлофан тело. А потом он увидел... себя. Точнее так ему показалось в первое мгновение. У этого человека тоже были чёрные, как смоль волосы и скуластое лицо с чёткими правильными мужскими чертами. Спасатели, пытающиеся

извлечь зажатого в машине водителя, уже срезали крышу автомобиля, так что пострадавший в аварии хозяин точно такого же «Опеля-Олимпии» сидел за рулём своей разбитой машины, словно живой. И если бы не его абсолютно неподвижная поза и белое, словно бумага лицо, было бы невозможно догадаться, что рискованный выход на встречную полосу стоил этому игроку жизни.

«Фу ты чёрт, и померещиться же такое!».

Макс почувствовал, как у него мурашки пробежали по позвоночнику. Чтобы отвлечься от неприятного видения Фалько представил, как будет выглядеть контракт с парнями из юридической конторы «Гонсалес Хунта и партнёры», которые превратят его в хозяина одного из крупнейших в Латинской Америке танкерного флота, владельца собственных причалов, портовых терминалов, нефтеперерабатывающих заводов и прочих активов.

Вообще-то люди, к которым он ехал только именовались юристами. На самом деле они были настоящими экономическими пиратами. Даже наименование фирмы «адвокатское бюро» было всего лишь прикрытием для осинового гнезда «чёрных рейдеров». Имея на руках достаточное количество козырей, они могли взять на бордаж любой бизнес. Позавчера любовница Макса передала ему такие козыри в виде набора долговых обязательств своего супруга и прочих

компрометирующих уважаемого бизнесмена документов. Так что теперь перехват процветающего бизнеса был делом нескольких дней. Влюблённая, словно кошка, любовница Фалько выкрала этот компромат из секретного сейфа, что был вмонтирован в стену за полотном Рембрандта в кабинете её мужа. Сейчас ничего не подозревающий бизнесмен находился в командировке в Австралии и собирался прилететь домой через четыре дня. К его возвращению компания на 98 % должна была перейти под контроль Макса и его компаньонов из рейдерской фирмы. При этом вместо абордажных сабель и кремниевых пистолетов эпохи флибустьеров Карибского моря господа-юристы собирались использовать в качестве боевого арсенала хитроумные механизмы принятия нужных судебных решений, помощь давно купленных ими чиновников и крупных политиков.

Впрочем, в случае необходимости наготове у организаторов рейдерского захвата всегда находилась команда крепких профессиональных штурмовиков, готовых в любой момент занять необходимые объекты и «вынести» оттуда прежний менеджмент вместе с местной охраной. Да, это было жестоко. Но разве крупные состояния делаются по-другому? Особенно в Латинской Америке, где закон традиционно всегда был и

остаётся на стороне сильнейшего. А Макс Фалько всегда мечтал стать очень богатым и влиятельным дельцом. Иногда ему казалось, что на пути к этой цели он способен даже убить того, кто встал бы у него на пути, и хладнокровно переступить через труп врага. Не даром же Макса ещё в детстве за мстительный и вспыльчивый нрав прозвали «бесноватым мексиканцем». Род его отца и вправду шёл из мексиканских прерий. Однажды брат отца даже проговорился племяннику, что его прадед был подручным знаменитого бандита Панчо Вилья.

До города оставалась всего тридцать километров. Но после жуткого зрелища катастрофы Макс решил больше не рисковать и позволить себе короткий отдых. Тем более что предыдущую ночь Фалько не спал — надо было отблагодарить женщину, которая так трогательно доверилась ему.

Он остановил машину на смотровой площадке, с которой открывался прекрасный вид на океан. Свежий морской ветер и несколько минут полного бездействия, — это было именно то, что требовалось молодому организму, чтобы быстро подзарядить подсевшие энергетические аккумуляторы.

Макс вышел из машины, с наслаждением потянулся, чувствуя, как оживают его затёкшие от долгого пребывания за рулём мускулы. Когда чуть

более часа назад он обнажённый поднялся из постели, чтобы ехать в Монтевидео, оставшаяся лежать любовница восторженно воскликнула: «Ты сложен, как молодой бог! — и тут же потребовала: — Я хочу тебя снова. Предупреждаю, если ты сейчас же не вернёшься в постель, я передумаю отдавать тебе документы. В конце концов, я должна быть уверена, что сделала верный выбор, поменяв седую мошонку мужа на молодые бычьи яйца...».

Именно из-за потраченных на ненасытную хозяйку загородного имения двадцати незапланированных минут Макс так рискованно гнал по горному серпантину. Но теперь он уже ни за что не опоздает на самую главную в своей жизни встречу. Ведь такой шанс, какой представился ему, выпадает только один раз в жизни.

Внезапно приятная мелодия, звучащая из автомобильного радиоприёмника прервалась на экстренное новостное сообщение. Взволнованным голосом диктор стал рассказывать о пропавшем над Андами пассажирском самолёте с гражданами Уругвая на борту. Ещё даже не зная, о каком самолёте идёт речь, Фалько почувствовал, что беда случилась с его младшим братом. Вскоре голос из радиоприёмника подтвердил страшную догадку, назвав номер рейса. Макс был потрясён. Из-за своей любовно-коммерческой махинации он даже не поехал сегодня утром в аэропорт проводить

братишку. А ведь Рафаэль был его семьёй, единственным по-настоящему близким человеком. Впервые после гибели их родителей Макс вновь пережил острое ощущение полнейшего отчаяния. Он вдруг снова, как много лет назад, почувствовал себя маленьким мальчиком, которому сердобольные родственники после долгих месяцев обмана, наконец, рассказали правду, что его отец и мать пропали на своей крошечной яхте где-то в океане. Именно так всё и произошло 18 лет назад, когда Макс остался в этом огромном враждебном мире только вдвоём с младшим братом. Да, родня пропавших без вести родителей старалась заботиться о сиротах, как о собственных детях. Но для того, чтобы полноценно заменить маленьким людям отца и мать мало оплачивать их учёбу в престижной школе и регулярно покупать дорогие игрушки. Тут необходим дар особого рода, которого у приёмных родителей не оказалось. Поэтому с детства не было для Макса человека ближе, чем Рафаэль. Ради младшего братишки Макс был готов, не задумываясь, сорваться из-за игрового стола в минуту самого счастливого везения, покинуть страстно желаемую женщину за секунду до её полной капитуляции перед его чарами. Одним словом, не было чего-то в этой жизни такого, что перевесило бы в его глазах заботу о младшем Фалько, так похожим лицом на

их мать.

Макс бросился к машине. И если несколько минут назад он выходил из неё вальяжным циником, заботящимся только о собственных интересах, то теперь за руль автомобиля сел совсем другой человек, готовый на всё ради спасения самого близкого человека.

Владельцы адвокатского бюро «Гонсалес Хунта и партнёры» были поражены неожиданным предложением, которое сделал им организатор самой выгодной в истории их компании сделки. А они то были уверены, что имеют дело с жёстким типом, который будет диктовать свои условия и упорно бороться за каждый цент. Эти люди даже не догадывались, почему молодой хищник не смог дожевать принадлежащий ему по праву жирный кусок добычи. Непонимание тайных мотивов союзника по захвату немало обеспокоило рейдеров.

— К сожалению, мы не можем по стоящей цене выкупить вашу долю активов до тех пор, пока вся корпоративная собственность поглощаемой компании не перейдёт под наш совместный контроль — вкрадчивым вежливым тоном пояснил Фалько один из совладельцев юридической компании. — Поймите, поглощение такой компании, как «Орико» сравнимо по масштабам с грандиозной высадкой союзников в Нормандии в

1944 году. Нам предстоит долгая работа с крупнейшими акционерами и не одна судебная тяжба с бывшим хозяином бизнеса, который вряд ли отдаст своё добро без боя.

— И когда же я получу свою долю? — нетерпеливо поинтересовался Макс.

— В лучшем случае через полгода, а то и через год.

— Хорошо, сколько вы сможете дать мне прямо сейчас за то, чтобы я совсем отказался от своего интереса в этом деле?

Собеседник Фалько извинился и вместе с двумя другими совладельцами компании вышел в другую комнату для короткого совещания с глазу на глаз. Вернувшись, он объявил:

— Я и мои деловые партнёры готовы выплатить вам немедленно три процента, и то только из нашего уважения к проявленной вами в этом деле феноменальной ловкости.

Когда Фалько ушёл, один из трёх совладельцев рейдерской фирмы сказал своим компаньонам, кивая на дверь:

— Страшный человек. Вы видели его глаза? Это же глаза маньяка. У меня такое ощущение, что если бы мы не дали ему денег, он бы перерезал всем нам глотки вот этим, вроде бы совершенно невинным ножичком для резки бумаги, и выгреб

содержимое офисного сейфа.

— Не преувеличивай, Родриго — возразил товарищу самый молодой из троицы. — Я его знаю. Он действительно маньяк, но только по женщинам, да и то до расчленённых трупов дело никогда не доходило. Красавчика интересуют женские прелести и деньги, которые он, надо отдать ему должное, очень ловко вытрясает из своих богатеньких подружек. А ещё он один из лучших карточных игроков страны.

— Какой же он игрок, если так бездарно отдал нам партию с этой компанией?! Ведь в этом деле у него на руках были все козыри.

— Да откуда нам знать, что у него за интерес. Чужая душа — потёмки — подытожил разговор седой член управляющего компанией триумvirата.

На следующее утро популярная газета «El Pais» вышла с набранным крупным шрифтом на второй полосе частным объявлением, в котором родственник одного из пассажиров пропавшего над Андами самолёта учреждал фантастически огромный денежный приз тому, кто первым обнаружит упавший лайнер.

* * *

Рой опомнился только тогда, когда его догнал

Чезе Чарруа. Они стояли по пояс в снегу в нескольких десятках метрах от самолёта, и Бобби, словно пьяного, тряс приятеля за плечи.

— Да очнись же ты!

Оказалось, что как только самолёт остановился, находящийся в состоянии сильнейшего шока Рой выскочил из него и бросился наутёк. Кто знает, как далеко бы он убежал, если бы его не догнал Чарруа.

Покурив, оба парня вернулись к самолёту. Сделать это было очень не просто, ибо приходилось идти по глубокому снегу. И молодые мужчины немало удивлялись тому, как одному из них удалось всего за несколько минут убежать по снежной целине так далеко. Кроме того, здесь вдали от укрытия, в качестве которого уцелевшим пассажирам служил фюзеляж разбившегося самолёта, было ужасно холодно. Все они были в лёгких костюмах, ибо в аэропорту вылета температура была плюс 20 градусов, да и в столице Чили должно было быть примерно столько же. Не удивительно, что вскоре мороз пробрал мужчин до костей.

Возле пилотской кабины они остановились. Нос самолёта глубоко зарылся в сугроб, но боковое стекло было лишь слегка припорошено снежной крошкой. Заглянув в него, мужчины увидели сильно обезображенное тело правого пилота. Лицо

его напарника было мертвенно-бледным и залито кровью. Но словно почувствовав на себе взгляд, человек за штурвалом с трудом разлепил ресницы своих глаз. Его губы дрогнули. Затем он с усилием что-то сказал, но за толстыми стёклами нельзя было разобрать слов пилота. Снаружи попасть в кабину тоже было нельзя. Поэтому Рою и Чезе пришлось долго по глубокому снегу пробираться вдоль длинного ряда иллюминаторов до естественного входа в фюзеляж, образовавшегося на том месте, где когда-то был хвостовой стабилизатор самолёта.

На пороге пилотской кабины они появились вместе с Роберто Ганессо. В сторону погибшего второго лётчика они старались даже не смотреть. Ещё живой его напарник едва слышным шёпотом попросил воды. Ему принесли немного снега. Ганессо осторожно смочил окровавленные губы авиатора. Было видно, что при ударе самолёта о снежную стену тяжёлый штурвал разможил пилоту грудь. Каждое слово давалось несчастному с огромным трудом, ибо даже обычное дыхание было пыткой для человека, чьи лёгкие были в нескольких местах пробиты сломанными рёбрами. И, тем не менее, перед смертью командир корабля спешил оправдаться перед теми, чьи жизни он не уберёт. Превозмогая боль, он пытался что-то сказать про ошибку в навигации и технические проблемы с

машиной. Но видеть его мучения было невыносимо, и Роберто осторожно коснувшись плеча пилота, остановил исповедь.

— Послушайте, никто не сомневается, что вы выполнили свой долг. Мы хотим знать, как настроить рацию и связаться со спасателями.

— Частота Сантьяго 11300. Мы должны находиться примерно в 250 километрах от посадочной полосы — с долгими паузами ответил пилот. Затем он стащил со своей головы телефоны радиосвязи и протянул их Роберто.

В наушниках было абсолютно тихо — бортовая радиостанция не работала.

Между тем пилоту становилось всё хуже, и он попросил принести из соседнего отсека его сумку.

— Что там?

— Пистолет.

Роберто отвёл взгляд от умоляющих о последней милости глаз пилота.

— Простите, но мы не можем этого сделать — поспешил ответить за всех Рой.

Они вышли из пилотской кабины и закрыли за собой металлическую дверь.

— А я бы позволил этому человеку самому себе помочь — неожиданно для всех жёстко заявил Чезе Чарруа. — В конце концов, у каждого должно быть право прекратить свою жизнь, если надежды больше нет. Посмотрите на небо. Облака висят на

высоте не выше ста метров над землёй, и опять пошёл густой снег. Лётчик и так не доживёт до того момента, когда сюда смогут прибыть спасатели. Зачем мучиться, если есть возможность умереть быстро и достойно.

— Как ты можешь говорить такое?! — словно не узнавая друга, воскликнул Рой.

Все в их команде знали, что Чезе жёсткий парень, живущий по своим малопонятным для других принципам. В их компании богатых молодых людей из хороших семей Чарруа всегда был белой вороной, точнее «чёрным орлом». Так официально звучало имя Чезе в его родном племени Чарруа (все мужчины их племени носили такую фамилию). Внешне он выглядел так: невысокий и худой, горбоносый и смуглолицый. Обычно в странах Латинской Америки удел людей с грубыми смуглыми лицами крестьян и индейцев обслуживать обладателей более светлой кожи — потомков испанских и португальских колонизаторов. Так что Чарруа был совсем другим. Уже на первом курсе он разительно отличался от своих шумных и легкомысленных товарищей: всегда собранный и серьёзный, с широкими скулами и узкими глазами индейского воина. Отец Чезе был индейцем по происхождению. Долгие годы он проработал садовником в принадлежащем университету парке. За 25-летнюю беспорочную

службу руководства элитного учебного заведения выделило для его сына бесплатную стипендию, чтобы парень смог первым в роду Чарруа выучиться на инженера. Но больше чем в учёбе молодой индеец преуспел в спорте, особенно в регби. Это была его стихия — спорт похожий на войну. Очень часто после его стремительных проходов к воротам соперника игроки неприятельской команды получали синяки, вывихи, а то и переломы. Но тот, кто собирался бросить оскорбление слишком агрессивному нападающему, сразу терял охоту это делать, едва встретившись взглядом с индейскими глазами «Чёрного орла». Как раз сейчас в этих узких глазах читалось первобытное понимание великого понятия «смерть».

— Позвольте этому человеку умереть, как он этого хочет — веско повторил Чезе.

— А ты что молчишь, Роберто? Да, скажи ты, наконец, этому дикарю, что мы не можем жить по законам его племени! — взмолился Рой, обращаясь к Ганессо. Но Роберто неожиданно для себя не был готов дать быстрый ответ. Ситуация с умирающим Алексом и теперь с этим пилотом всколыхнули в его душе болезненное воспоминание, которое уже несколько лет отравляло ему жизнь. Это случилось четыре года назад. В тот день он вместе с братом поехал на день рождения к одной знакомой

девушке. Вечер удался на славу, братья хорошо выпили в честь новорожденной. Под конец вечеринки Роберто хотел заказать такси, чтобы на нём вернуться домой. Но брат настоял, чтобы они ехали обратно на отцовской машине. На следующий день возвращались из отпуска их родители и семейный «Бьюик» должен был стоять в гараже.

За рулём был брат Роберто. Спьяну его потянуло на подвиги, и он постоянно гнал машину на бешеной скорости, лишь слегка притормаживая на крутых поворотах. В какой-то момент они увидели впереди девушку на велосипеде. Она ехала по краю шоссе. Брат Роберто решил позабавиться и слегка напугать девчонку, проехав на скорости свыше ста пятидесяти километров в час вплотную к ней. Но нетрезвый лихач не рассчитал свой манёвр, так что «Бьюик» своим правым крылом буквально снес велосипедистку в придорожный кювет. Когда, спустя несколько минут, они осматривали пострадавшую, девушка ещё дышала, но по её закатившимся зрачкам и слабеющему пульсу было не сложно понять, что в самое ближайшее время душа несчастной покинет тело. Височные кости её черепа были глубоко вдавлены в мозг, правая рука неестественно вывихнута. Своей позой она напоминала сломанную куклу. Конечно, по всем законам морали они должны были немедленно

отвезти пострадавшую в больницу, но страх оказаться в тюрьме железной хваткой взял их за горло. И братья уехали, бросив сбитую ими девушку умирать на дороге. С тех пор Роберто жил с постоянным ощущением вины, которое не давало ему покоя. Он и специальность хирурга выбрал только для того, чтобы избавиться от этой занозы у себя в мозгу. Ганессо очень надеялся, что, отвоёвывая у смерти людские жизни, он вернёт себе душевный покой.

Очнувшись от своих мыслей, Роберто без колебаний возразил Чарруа:

— Я против. Может быть спасательный вертолёт будет здесь всего через несколько часов и лётчика ещё можно будет спасти. Мы не должны брать на себя роль Бога, решающего, кому пришло время умереть, а кому — нет.

* * *

Его беспомощное, накрытое простынёй тело куда-то торопливо везли длинным полутёмным коридором. Сталь каталки обжигала холодом обнажённую кожу спины. Он не видел лиц сопровождающих его людей, только их тени на пробегающей мимо белокафельной ленте стены. Но испытывал к ним острое чувство благодарности, ибо был уверен, что его торопят доставить в

операционную, чтобы спасти. «Значит, «мотор» всё-таки отказал! Странно, ведь смешной доктор обещал мне... Интересно, когда это случилось и почему я ничего не помню?». И тут же в его голову пришёл естественный ответ: «Ну, конечно же! Сердце остановилось внезапно, и в ту же секунду я отключился. Точно также гаснет экран телевизора, если внезапно выдернуть штепсель из сети. Причём потерять сознание я мог когда угодно, и где угодно. Например, заказывая себе пиццу в итальянском кафе через улицу от своего дома. И всё же, почему это случилось со мной, ведь смешной доктор дал мне гарантию?!».

Не смотря на весь трагизм положения, его утешала мысль о том, что, судя по всему, окружающие люди быстро разобрались в ситуации и вызвали скорую помощь. Через несколько минут его должны были подключить к специальной аппаратуре, после чего запустить сломавшийся «мотор».

И вдруг страшная догадка буквально парализовала сознание: его тело было накрыто простынёй целиком, включая голову. Обычно так поступают только с покойниками. Значит, его нашли где-то на улице, лежащим без сознания, и привезли в госпиталь слишком поздно. И здесь, пока врачи с ним разбирались, он умер. «Господи, почему это случилось сейчас, когда все страхи,

казалось, навсегда остались в прошлом! Значит, смешной доктор всё-таки обманул меня! Но почему?! Ведь я никогда не позволял себе прогибаться под враждебными обстоятельствами!».

Нандо Чаввадо почувствовал, как слёзы острой жалости к себе катятся по его щекам. Он никогда не позволял себе плакать, но сейчас это происходило помимо его воли. В этот момент Нандо вдруг услышал приглушённые голоса, идущие откуда-то сверху.

— Послушай, говорю тебе, там кто-то есть. Надо поднять эти кресла и проверить.

— Вот ты этим и займись, а мне некогда искать трупы, мне и живых раненных хватает.

Вначале Нандо решил, что слышит ангелов, но потом узнал голоса капитана их регбийной команды Антонио Переза и Сербино Аранцо.

Вскоре те перестали препираться и общими усилиями подняли несколько тяжёлых кресел, под которыми лежал Чаввадо.

— Парни, здесь Нандо!

— Он умер?

— Не знаю.

— Может, это и к лучшему, бедняга, хотя бы не узнает, что его сестра и мать сильно поломались при падении самолёта.

— Да нет же, он жив. Смотрите, у него слеза на щеке!

Нандо с трудом возвращался к жизни. Страшные слова о тяжелораненых сестре и матери прошли мимо его сознания, поэтому Нандо продолжал по инерции мыслить только что пережитыми в бессознательном состоянии образами, тревожно прислушиваясь к ощущениям в груди. Дело в том, что Нандо родился с тяжёлым пороком сердца. До тринадцати лет доктора регулярно — несколько раз в год с прискорбным видом сообщали его отцу и матери, что при хорошем уходе их сыну осталось жить от силы три месяца. Но каждый раз отмеренный ему срок продлевался ещё на три месяца, и так год за годом. В конце концов, родители Нандо превратились в настоящих параноиков, болезненно пекущихся о здоровье своего хилого чада. Мальчика постоянно оберегали от любых инфекций, физических нагрузок и отрицательных эмоций. Нандо рос настоящим тепличным растением. Такая попытка продолжалась до тех пор, пока ему не исполнилось тринадцать лет. В этот год его родители получили крупный кредит в банке и сумели оплатить сыну очень дорогостоящую операцию на сердце в южноафриканской клинике у самого известного в мире специалиста в этой области. Операция была сделана на столь высоком уровне, что пациент сразу был избавлен от приёма специальных препаратов, всевозможных ограничений по

нагрузке и питанию и от регулярных визитов к врачу. Фактически хирург сумел чудесным образом превратить инвалида в совершенно здорового человека. А ведь в других клиниках мира прооперированные люди были вынуждены годами принимать лекарства, помогающие сердцу, но «сажающие» их печень и почки. Они должны были постоянно наблюдаться у специалиста, то есть фактически ощущать себя физически неполноценными людьми.

Но Нандо повезло попасть под скальпель к гению. На прощание великий хирург со смешным лицом комика, шутливо подмигнув, шепотом, чтобы не слышали родные Нандо, сказал на ухо мальчику: «Я сделал тебе новое сердце, сынок. Оно особенное. С моей личной гарантией. Теперь ты можешь бегать, прыгать и делать всё, что вытворяют твои сверстники. Не бойся, оно справится с любой нагрузкой. Но помни, пока ты веришь в себя и борешься, оно тебя ни за что не подведёт. Я это тебе обещаю. Но если ты когда-нибудь всерьёз начнёшь хныкать и вешать нос, этот «мотор» может забарахлить. Так уж он устроен».

С тех пор Нандо жил с постоянным стремлением быть первым во всём. Больше всего на свете он боялся струсить и перестать верить в себя. Каждый раз, одерживая очередную победу,

добиваясь чего-то значимого в жизни, он мысленно видел, как смешной доктор одобрительно кивает ему своей седой головой с большими смешными ушами и рыхлым, похожим на картошку носом. Но главное он физически ощущал, как в связи с притоком в кровь «гормона чемпионов» — адреналина его сердце начинает биться радостнее и энергичнее. В редкие же минуты уныния его сомнения и страхи сразу как рукой снимало, стоило ему только вспомнить о предупреждении своего спасителя. Вот и сейчас Нандо привычным усилием воли отогнал от себя мнительные мысли о возможных проблемах с сердцем. Он снова знал, что пока он верит в себя, с его внутренним «мотором» всё будет в порядке, ведь это ему обещал смешной доктор.

Погода постоянно ухудшалась. Ночью температура могла опуститься до отметки в 30–40 градусов. К тому же они, согласно пометкам на штурманской карте из кабины пилотов, находились на высоте свыше четырёх тысяч метров. В здешней разряженной атмосфере было трудно дышать. В условиях недостатка кислорода мозг быстро уставал и работал не так хорошо, как внизу. Поэтому с непривычки можно было даже вовремя не осознать того, что ты околеваешь, и не успеть принять меры к собственному спасению. Если бы

они были специально натренированы для альпинистского восхождения и имели с собой необходимое снаряжение, то возможно причин для особой паники и не было бы. Но пассажиры обычного авиарейса естественно не готовились к выживанию в условиях высокогорной ночи. Не удивительно, что многие из тех, кто находился внутри потерпевшего аварию самолёта, были растерянны и близки к панике. Чем темнее и холоднее становилось за пределами тесного убежища, тем чаще в разных концах салона раздавались возгласы страха, плач, слова молитвы.

Хуже всех себя вёл борттехник самолёта. Он явно помешался от пережитого страха. Несколько часов назад, когда капитан регбийной команды Антонио Переза и Роберто Ганессо пытались выяснить у него, почему не работает рация, этот маленький человек, хитро улыбнувшись и сладостно закатив глаза, сообщил, что рация и не может работать по причине того, что аккумуляторы для неё остались в хвосте.

— А хвостик то «тю-тю» — мы потеряли по дороге сюда! — расплывшись в совершенно идиотской улыбке, заключил единственный уцелевший член экипажа.

И вот теперь борттехник объявил, что аварийный запас сигнальных ракет является его собственностью. Эту выходку товарищи по

несчастьем ему простили. Все были так измучены, что никто не хотел связываться с умалишённым. Но потом авиатор снял тёплую кофту с ещё живой, но находящейся в бреду Ксении Чаввадо. Сделал он это втихаря. И возможно в суматохе никто бы не заметил мародёрства, но на беду бортинженера очнулся Нандо, который сразу же пришёл проведать своих мать и сестру. Как только парень обнаружил, что подонок стащил кофту с его матери, он набросился на него и стал душить. Подбежавшим мужчинам с большим трудом удалось оторвать Нандо от бортехника. Вскоре после этого инцидента лётчик сбежал, прихватив с собой сигнальные ракеты и бортовую аптечку, а также часть продуктов, найденных им в вещах пассажиров и на кухне самолёта. Искать его в темноте было бесполезно, к тому же снаружи фюзеляжа разыгралась снежная метель. Некоторое время спустя где-то недалеко стали один за другим раздаваться хлопки выстрелов — это сумасшедший механик звал при помощи сигнальных ракет себе на помощь воображаемых спасателей. Больше его никто не видел. Скорее всего, когда у бедняги закончились патроны к ракетнице, он не сумел в темноте и метели отыскать дорогу к убежищу и замёрз. А труп был засыпан снегом.

Сербино Аранцо только что наложил уже

третью за час шину на переломанную конечность. Очередной пациент благодарно сжал его руку. Сербино испытывал немалое чувство гордости, ведь он довольно не плохо справлялся с проблемой недостатка хирургического инструментария, используя разный подручный материал. Например, в качестве шин для фиксации переломанных костей он применил алюминиевые планки, которыми был отделан пол в багажном отсеке. Кроме этого, он придумал использовать вместо одеял чехлы с кресел. Они были сделаны из довольно плотной ткани. Многим в продуваемом ветром салоне стало чуточку теплее, когда они закутались в эти чехлы. Теперь надо было срочно придумать какие-то подвесные гамаки, чтобы раненные со сложными переломами могли лежать хотя бы с относительным комфортом. Чтобы немного отдохнуть и подумать Сербино вышел из самолёта и закурил. Вскоре к нему присоединился также вымотанный до крайности «коллега» Роберто Ганессо.

— Я ведь был уверен, что начну настоящую самостоятельную практику в клинике отца. Буду заниматься исключительно тем, что накачивать силиконом женские бюсты и откачивать жир у стареющих ловеласов — с ироничной улыбкой признался приятелю Сербино Аранцо. — А вон как оно вышло.

— А я не поверишь ли, даже рад тому, что

судьба послала меня сюда — в свою очередь откровенно признался Ганессо. — Впервые я чувствую, что от меня зависит что-то очень серьёзное. А главное, представь, что нас бы не было в этом самолёте. Сколько бы человек умерло в течение первого часа от болевого шока и потери крови.

— Может ты и прав, но и переоценивать себя мы не должны — помрачнел Сербино. — Без медикаментов, которые утащил этот сумасшедший механик и специальной медицинской аппаратуры большинство наших раненных не продержаться больше двух-трёх дней. На лекциях нам говорили, что если человек ослаблен в результате ранения или болезни, да ещё недостаточно хорошо питается, то при дефиците кислорода и в условиях низких температур его тело будет неумолимо остывать, пока не наступит смерть. Насколько я помню, это называется гипотермией. Надеюсь, что помощь всё же подоспеет раньше, чем это случится.

Словно в ответ ему где-то далеко в стороне послышался гул приближающегося самолёта. Он шёл высоко над облаками.

— Как вы думаете, они уже принимают аварийный радиосигнал с наших «чёрных ящиков»?

Вопрос задала высокая спортивная женщина. На свежий воздух она вышла с сигаретой в руке, дым которой источал аромат подозрительно

похожий на марихуану. Таких, как она женщин, принято называть роскошными. Впрочем, судя по насмешливому и высокомерному выражению её глаз, сама незнакомка наверняка больше гордилась собственным умом и сильным характером, чем золотыми волосами и безупречными чертами лица. Странно, но Сербино и Роберто впервые видели эту женщину. Прочитав написанное на лицах мужчин удивление, дама представилась:

— Сэнди Холл, свободная художница. В том смысле, что работаю сразу на несколько крупных американских и европейских изданий. Мы не успели познакомиться, ибо до самого финала я проспала в конце салона.

Судя по тому, с какой невозмутимой иронией Холл рассказывала о только что пережитом ею кошмаре, это действительно была «железная леди».

— К счастью, те парни, что прикручивали моё кресло к полу, видно делали это сразу после выходных и под присмотром своего начальства. Только этим я могу объяснить, что меня не выбросила из самолёта, как моих соседей справа и слева. Хм, могу себе представить, как бы я смотрелась со своим макияжем и юбкой одна в самолётном кресле, да ещё летящей вниз головой!.. Вы можете спросить, как я пробралась на ваш чартер? Нет, я вовсе не «заяц», как вы могли подумать. Просто мне надоело торчать в ожидании

своего рейса в Буэнос-Айресе, и когда я узнала, что в вашем самолёте есть свободные места, то упросила руководителя делегации взять меня на борт. Хотя должна признать, что теперь я с гораздо большим почтением вспоминаю слова моей мамочки, которая всегда упрекала меня за непоседливость и привычку срываться с места, не дождавшись своего автобуса.

Сэнди воплощала собой довольно типичный для Нью-Йорка тип обеспеченной независимой бизнес-вумен, при этом имеющей довольно большие интеллектуальные запросы. Она была членом престижного журналистского клуба «Нью-Йоркер Сосайети», лауреатом множества премий. Официально в Чили Холл летела с целью написать статью о победившем год назад на выборах Президенте-социалисте Сальвадоре Альенде, и о том, как он реализует свою знаменитую предвыборную программу «Чилийский путь к социализму». Многие в Штатах и в Западной Европе с большим интересом, а то и с откровенным страхом смотрели теперь на эту южноамериканскую страну. Одни, как помощник президента США Генри Киссинджер и Директор ЦРУ Ричард Хелмс опасались, что вскоре Чили станет для СССР второй Кубой. Но немало было и тех, особенно среди интеллектуальной элиты, кто